

Дмитриев И. И. Письмо Блудову Д. Н., 8 августа 1820 г. Москва / [Вступ. ст. и примеч. С. Г. Блинова, С. Д. Воронина, В. М. Мельникова, А. Л. Налепина, М. Д. Филина] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII--XX вв.: Альманах. -- М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. -- С. 29--31. -- [Т.] I.

<http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-029-.htm>

Письмо И. И. Дмитриева к Д. Н. Блудову

Эпистолярное наследие русского писателя Ивана Ивановича Дмитриева (1760--1837) в значительной степени утрачено. Так, по авторитетным сведениям {Письма русских писателей XVIII века. Л., Наука, 1980, с. 438, 440.}, известно и опубликовано лишь одно его письмо к Дмитрию Николаевичу Блудову (1785--1864) -- литератору, одному из основателей "Арзамаса", дипломату, впоследствии крупному сановнику. Письмо написано в Петербурге и отправлено в Стокгольм 16 июля 1813 года {Письма русских писателей XVIII века, с. 418.}.

Редакция "Российского Архива" имеет случай познакомить читателей с еще одной эпистолией Дмитриева. До сих пор адресат этого послания принадлежал к числу неустановленных лиц.

Письмо Дмитриева -- ответ на корреспонденцию от 27 июня 1820 года {Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871, с. 252--253.}, которую Блудов отправил из Петербурга с московской почтой тотчас же по возвращении из Англии, где пребывал в 1817--1820 гг. в качестве советника, а затем поверенного в делах. Судя по всему, разлука с Отчизною не притупила интереса Блудова к делам отечественной словесности. Того же мнения был и Дмитриев, доверительно поведавший литературному союзнику собственные размышления о ситуации в "цехе задорном".

И. И. Дмитриев -- Д. Н. Блудову

Милостивый Государь

Дмитрий Николаевич!

Спешу принести Вам чувствительную благодарность за приятное Ваше письмо, равно как и за книгу Шатобриана¹.

Согласен с Вами, что талант его и в ней блесит на многих страницах. Согласен также и в том, что литература наша подвигается раком. Никогда журналисты наши столько не находили гениев, как ныне. Но, к сожалению, они почивут в мире; ни один из них не пробудился даже и тогда, когда великой Каченовской² трактовал нашего Историографа³ наравне с университетским пансионером. Всякой боялся, чтоб и его не задели. Все только говорили: "Как жаль, что нет Блудова или Дашкова⁴".

Теперь вся наша словесность лежит на могучих плечах известного всем трудолюбца⁵, без которого стихи и проза: все легко, все ничего не стоит; который, как хитрый Протей, возобновляет себя в разных видах: неиствует в одах, глупит в притчах, лепечет в мадригалах, и даже начинает рыться в прахе истории. Сказывают, что журналисты Ваши уже открыли глаза и отдают ему справедливость. Честь и слава его долготерпению.

Последуем и мы его примеру. Придет и наше время: будут читать и нас во Франции и в Англии. Я надеюсь много на учебные заведения: теперь свет изливается вместо двух из пяти пунктов⁶, и, конечно, это будет иметь большое значение на наше авторство. Спрошу к слову: читаете ли Вы газеты Вашей Отчизны, т. е. казанские? естли нет, так отыщите 54 No и прочтите письмо попечителя К<азанского> У<ниверситета> к ректору. Оно замечательно во многих отношениях и стоит Вашего любопытства.

Может быть, я Вам наскучил. Простите избытку моего участия в нашей словесности. В этом случае только я горячусь, может быть, больше, нежели надобно. Впрочем, с душевным почтением к Вам и почтенной Вашей супруге 7 имею честь быть,

милостивый государь,